

Рассвело, и Ван Шэн выбрался из-под моста.

Он специально вывалял свою старую одежду в грязи, а волосы опалил огнем, превратив их в спутанный комок. Кожу на открытых участках тела он также густо вымазал илом и нечистотами. Теперь Ван Шэн выглядел как самый настоящий нищий с изуродованным лицом.

Ван Шэн направился к городским воротам, надеясь найти способ выбраться за пределы города. По пути он то и дело видел на стенах развешанные повсюду листовки с его портретом. Однако никто из прохожих не узнавал его: лицо беглеца выглядело настолько отталкивающе и страшно, что людям не хотелось смотреть на него дважды, не говоря уже о том, чтобы приглядываться.

Прося подавание, Ван Шэн медленно приближался к воротам. Охрана там была строжайшей, а на высоких стенах стояли несколько мастеров клана Чэнь уровней Золотого Ядра и Зарождения Души. Ван Шэн не смел подходить слишком близко: культиваторы уровня Зарождения Души способны видеть уровень развития тех, кто слабее их. Сейчас он прикидывался обычным нищим, но если бы они заметили, что этот оборванец — культиватор на стадии Возведения Основания, его бы тут же разоблачили.

Ван Шэн, продолжая кланчить монеты, отошел от ворот. Он не решался бесцельно бродить по городу и в итоге забился в место, где собирались другие нищие. Люди клана Чэнь, вероятно, и представить не могли, что бывший наследник знатного дома сейчас выглядит грязнее, вонючее и отвратительнее любого бродяги. Поэтому при обыске нищих они действовали небрежно: просто мельком сверяли лица с портретом и, не найдя сходства, уходили.

В тот день один из знатных юношей города справлял свадьбу. Его мать, желая накопить заслуг и совершить доброе дело, купила много паровых булочек и пришла в квартал нищих, чтобы раздать их нуждающимся. Она явилась в сопровождении слуг и горничных. Женщина произнесла несколько слов с пожеланиями благословения, и слуги начали бросать белые булочки в толпу. Нищие, которые до этого сидели без сил, внезапно оживились и, словно дикие звери, бросились ловить падающую еду.

Ван Шэн тоже присоединился к этой суматохе: во-первых, он был по-настоящему голоден, а во-вторых, если бы он стоял в стороне, пока остальные дерутся за еду, это привлекло бы ненужное внимание.

Ему удалось схватить две булочки. Только он присел на землю, собираясь поесть, как двое молодых нищих окружили его.

— Откуда взялся этот попрошайка? — ругались они. — Ты на себя-то посмотри, еще смеешь соваться на нашу территорию и еду отбирать!

Они принялись пинать Ван Шэна, а затем вырвали у него булочки. Вокруг было полно людей, и Ван Шэн не смел дать сдачи — ему оставалось лишь терпеть побои и смириться с потерей еды.

Женщина, раздававшая милостыню, издалека увидела эту сцену. Она пришла сюда творить добро, и ей было неприятно видеть, что кто-то пострадал. Она велела слуге отнести Ван Шэну еще две булочки.

Держа их в руках и глядя на ту женщину, Ван Шэн внезапно вспомнил свою мать. Он вспомнил, как в последний раз был с ней наедине утром в день рождения деда. Тогда он тренировался во дворе с копьем, а мать подошла, взяла его за руку и сказала: Сегодня у деда день рождения, придет много гостей. Отдохни немного, пойдем скорее, переоденешься в чистое и приличное платье, а потом вместе с отцом встретишь гостей у ворот. Важно не только совершенствоваться, но и знать правила приличия. Поучись сегодня у отца и деда, как принимать гостей.

Тогда он надулся и ворчливо ответил: Мама, я ведь уже взрослый, а ты все за руку держишь! Кузены увидят — засмеют.

Мать, обернувшись, ласково посмотрела на него: Ох, какой стеснительный. Вот исполнится тебе через два года двадцать, станешь совсем взрослым — тогда и перестану тебя за руку держать, идет?

Услышав это, он вдруг почувствовал, что ему стало жаль расставаться с этой привычкой. С самого детства, вот уже больше десяти лет, мать всегда держала его за руку, когда они гуляли вместе. Если бы она внезапно перестала, ему было бы непривычно. Но тогда он лишь упрямо промолчал, только сжал ее ладонь в ответ. Мать оглянулась, улыбнулась ему, и в ее глазах было столько нежности и материнской любви, что Ван Шэн невольно улыбнулся в ответ.

От этих воспоминаний у Ван Шэна снова разболелась голова.

Двое нищих, увидев, что знатная дама со слугами ушла, решили повторить свой трюк и снова окружили его. Ван Шэн, чувствуя неладное, забыл о боли в голове и начал торопливо запихивать булочки в рот, стараясь съесть их как можно быстрее. Нищие пинали его и пытались вырвать еду прямо изо рта.

Ван Шэн не обращал внимания ни на что — он лишь сжался, прикрывая спину, и продолжал жевать. Мимо проходили стражники клана Чэнь. Увидев, как трое бродяг дерутся за кусок хлеба, они принялись хохотать, глядя на нелепого Ван Шэна. Не желая привлекать к себе лишнего внимания, Ван Шэн медленно разжал руки, и оставшуюся булочку тут же утащили.

Наступил вечер. Ван Шэн собирался вернуться в свой мост, поэтому побрел вдоль реки, продолжая выпрашивать подаяние. Проходя мимо одного дома, он увидел женщину, которая сидела во дворе и шила. Из глубины дома донесся детский голос, звавший мать, и женщина, оставив корзинку с рукоделием на табурете, пошла к ребенку.

Ван Шэн мгновенно проскользнул в открытую калитку, схватил иглу с ниткой из корзинки и поспешно скрылся, направившись к реке.

Ночью в убежище под мостом он достал украденные инструменты. Сняв грязную одежду, Ван Шэн, подражая матери, оторвал кусок ткани от штанины, завернул в него Пиллюлю Зарождения Души и аккуратно пришил сверток к внутренней стороне ворота своей куртки. Он сделал несколько крепких швов, убедившись, что пиллюля не выпадет, и наконец успокоился. За эти два дня постоянных скитаний он больше всего боялся потерять ее, а теперь, когда она была надежно спрятана, на душе стало легче.

Ван Шэн продолжал тренироваться, а когда голод становился невыносимым, откусывал по кусочку от сушеной рыбы, которую берег в тряпице.

Днем он по-прежнему смешивался с толпой нищих, выискивая шанс выбраться из города. Из-за того что ожоги на лице не получали лечения, они воспалились. Лицо Ван Шэна стало выглядеть еще ужаснее: волдыри полопались, из них сочился гной, а само лицо распухло. Теперь, даже если бы стражники приложили портрет к его лицу, они бы ни за что его не узнали.

На следующий день у ворот по-прежнему было полно дозорных. Ван Шэн не рискнул выходить и снова заночевал под мостом, решив попытать удачу утром.

На рассвете он, как обычно, побрел к воротам, прося милостыню. К своему удивлению, Ван Шэн заметил, что тех мастеров клана Чэнь, которые стояли на стенах два предыдущих дня, сегодня не было. Возможно, они задержались по делам или решили, что трехдневные поиски бесполезны, и сняли оцепление. Как бы то ни было, это был его шанс. Ван Шэн решил действовать немедленно, пока они не появились снова.

Он встал в очередь из желающих покинуть город. Когда дошла его очередь, стражник взглянул на лицо Ван Шэна с явным отвращением и дежурно спросил: Имя? Зачем из города выходишь?

Ван Шэн подобострастно согнулся: Господин, зовут Да Ми. Хочу выйти в горы, поискать трав, чтобы лицо подлечить.

Стражник должен был проверить его вещи и обыскать, но, увидев, что у нищего нет никакой поклажи, а сам он настолько грязный и вонючий, побрезговал к нему прикасаться. Он просто махнул рукой, позволяя Ван Шэну выйти за ворота.